

Спорные вопросы, связанные съ псевдоксено- фонтовой „Аѳинской политіей“.

(По поводу новаго изданія: Die pseudoxenophontische 'Αθηναίων πολιτεία. Einleitung, Uebersetzung, Erklärung von Ernst Kalinka. Verlag von B. G. Teubner in Leipzig und Berlin 1913, V+324 pp. 8°, ц. 10 мар.).

Небольшой памятникъ политической литературы древнихъ грековъ, извѣстный подъ именемъ 'Αθηναίων πολιτεία и ошибочно приписанный древними Ксенофонту, представляетъ собою, какъ извѣстно, одно изъ наиболѣ загадочныхъ произведеній античной прозы. Ни общій планъ и композиція трактата, ни время и цѣль составленія труда, ни имя автора не могутъ быть установлены съ точностью. И, тѣмъ не менѣе, трактатъ этотъ имѣетъ для насъ огромное значеніе, какъ драгоценный источникъ для эпохи расцвѣта Аѳинскаго государства: недаромъ Виламовицъ называетъ это произведеніе «золотою книгою о государственномъ устройствѣ аѳинянъ».

Вотъ почему можно съ радостью привѣтствовать новое критическое изданіе этого замѣчательнаго памятника, изданіе, снабженное превосходнымъ комментариемъ и принадлежащее такому знатоку нашего трактата, какъ инсбрукскій профессоръ *Эрнестъ Калинка* ¹⁾. Въ обширномъ введеніи Калинка дѣлаетъ попытку заново пересмотрѣть всѣ запутанныя проблемы, связанныя съ трактатомъ; таковы время возникновенія, личность автора, композиція и литературное значеніе памятника.

¹⁾ *Э. Калинка* принадлежитъ, кромѣ разбираемаго труда, еще editio minor: Xenophontis de republica Atheniensium qui inscribitur libellus. Rec. app. crit. instr. indice verb. adauxit Ernestus Kalinka, Viennae 1898 и статья: Proleg. zur pseudoxen. 'Αθ. пол. въ *Wiener Studien* XVІІІ, 1896, 27 сл.

Композиція трактата представляется на первый взгляд чрезвычайно странной: ходъ мыслей лишенъ видимой стройности и послѣдовательности, изложеніе крайне отрывочно и неполно. Авторъ неоднократно впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ то категорически заявляетъ о своей ненависти къ афинской демократіи, то восхваляетъ послѣдовательность внутренней политики афинянъ; то злобно иронизируетъ по поводу нравственныхъ качествъ простого народа, то не находитъ словъ для прославленія могущества Афинъ и ихъ военного флота, созданнаго тѣмъ же самымъ народомъ.

Въ чемъ же кроется происхожденіе этой любопытной особенности нашего трактата, столь рѣзко отличающей его отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ памятниковъ античной литературы? Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, издавна служилъ въ наукѣ предметомъ самыхъ оживленныхъ споровъ и разногласій.

Roscher и Belot выдвинули психологическую точку зрѣнія: противорѣчивость изложенія трактата является, по ихъ мнѣнію, результатомъ особаго душевнаго настроенія автора, въ которомъ горячая привязанность къ родной странѣ борется съ нескрываемою ненавистью къ нѣкоторымъ ея учрежденіямъ. Психологическимъ процессомъ, происходящимъ въ душѣ автора, объясняетъ «видимыя противорѣчія» въ разсматриваемомъ трактатѣ и Th. Gomperz, по мнѣнію котораго глубокая ненависть къ афинской демократіи сочетается въ авторѣ съ искреннимъ преклоненіемъ передъ стройностью и организациіе¹⁾.

Иначе смотритъ на дѣло дипломатическая теорія, объясняющая особенности изложенія трактата ранней порчею рукописнаго преданія. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, утеряны начало (Schneider, Platen, Morel, Dindorf, Hempel, Wilh. Nestle, отчасти Christ-Schmid), конецъ (Roscher, Helbig, Roth, Vischer, Croiset, Bergk-Peppmüller) или другія части трактата (R. Schöll, E. Müller, Dufour), такъ что онъ представляетъ собою не что иное, какъ отрывокъ изъ другого, вѣроятно обширнаго произведенія (Schneider, Platen, E. Müller, Lübke,

¹⁾ *Гомперцъ*, Греч. мыслители I (СПб. 1911), 417 сл.

Croiset) ¹⁾. По мнѣнію другихъ ученыхъ, листы оригинала попали не на свои мѣста и произвольно были расположены позднѣйшимъ редакторомъ («діаскевастическая» теорія по терминологіи Θ. Ф. Зѣлинскаго); отсюда необходимость ряда перестановокъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ, для возстановленія первоначальнаго его вида (G. Faltin, Kirchhoff, M. Schmidt, Belot, L. Lange, R. Schöll) ²⁾. По мнѣнію третьихъ, текстъ испещренъ позднѣйшими вставками; такъ, по Ern Herzog'у, въ первоначальномъ текстѣ, проникнутомъ олигархическою тенденціей, сдѣланы были интерполяціи демократическаго характера ³⁾, по А. Н. Шварцу, наоборотъ, основной текстъ написанъ былъ въ умѣренномъ тонѣ аристократомъ, глубоко любившимъ свою родину и многимъ въ ней гордившимся. На этомъ текстѣ какой-то олигархъ болѣе поздняго времени, быть можетъ, эпохи реставраціи, сдѣлалъ замѣтки, вызванныя чтеніемъ трактата; въ результатъ контаминаціи обоихъ текстовъ и возникла нынѣшняя редакція трактата ⁴⁾. Съ утвержденіемъ А. Н. Шварца до нѣкоторой степени соглашается и Θ. Ф. Зѣлинскій.

Наконецъ, группа изслѣдователей ищетъ объясненія особенностямъ трактата не въ исторіи рукописнаго преданія, а въ обстоятельствахъ возникновенія «Аѳинской Политіи», какъ литературнаго произведенія; а именно, одни усматриваютъ въ трактатѣ не законченное, отдѣланное сочиненіе, а черновой набросокъ, конспектъ (Heinrich. Fuchs, Säuppe, Müller-Strübing, Rühl, Relot. Blass). другіе — переработку діалога (Cobet, Pankow, Wachsmuth, J. J. Hartmann и Bauer ⁵⁾).

Таковы сдѣланныя въ наукѣ попытки объяснить указанныя выше особенности композиціи «Аѳинской пол.». Взаимоотношеніе всѣхъ

¹⁾ Подробности см. въ разбираемомъ трудѣ Эрнеста Калики: Die pseudohorizontische 'Αθήν πολ., 22, примѣч. 5—8.

²⁾ См. книгу Э. Калики, стр. 23 сл. и изслѣдованіе А. Н. Шварца: [Ξενοφώντος] 'Αθήν. πολιτεία — О государствѣ Аѳинскомъ, сочин. неизв. автора V в. до Р. Хр. Москва, 1891, стр. 16 сл.

³⁾ См. Э. Калика, 25.

⁴⁾ А. Н. Шварцъ, назв. соч., 46. Оттого Θ. Ф. Зѣлинскій въ своей рецензіи на книгу А. Н. Шварца (Филол. Обзор. II, 1, 1892, стр. 33) называетъ эту теорію «аггрегативною».

⁵⁾ См. Э. Калика, 26. Θ. Ф. Зѣлинскій (Филол. Обзор. II, 1, 1892, стр. 33) называетъ теорію Cobet'a «эпитоматорной».

этихъ теорій можно, какъ мнѣ кажется, изобразить при помощи слѣдующей схемы:

Психологическая теорія	Roscher, Belot, Gomperz, В. П. Бузескуль		
	Теорія фрагментарности текста (Schneider, Platen, E. Müller, Roth, Schöll, Dufour, Croiset, и друг.).	Теорія перестановокъ (Faltin, Kirchhoff, M. Schmidt, L. Lange, Schöll, и друг.).	Теорія интерполяціи (А. Н. Шварцъ, E. Herzog и друг.).
Дипломатическія теоріи.			
Литературно-критическія теоріи.	Теорія конспекта (Sauppe, Müller-Strübing, Rühl, Blass и друг.).	Теорія извлеченія изъ діалога (Cobet, Pankow, Wachsmuth, Hartmann, Baner и друг.).	Теорія импровизаціи (E. Kalinka).

Новѣйшій изслѣдователь нашего трактата *Ernst Kalinka* приводитъ къ заключенію, что ни одна изъ приведенныхъ выше теорій не выдерживаетъ критики; мало того, теоріи эти являются совершенно излишними, такъ какъ, при внимательномъ анализѣ содержанія трактата, кажущаяся хаотичность изложенія исчезаетъ, и ходъ мыслей пріобрѣтаетъ до извѣстной степени логическую стройность и послѣдовательность; предъявлять же болѣе высокія требованія къ архитектоникѣ трактата мы не вправе, такъ какъ онъ представляетъ собою импровизацію (*eine Stegreifrede*) ¹⁾ и возникъ ранѣе того высшаго расцвѣта риторики и краснорѣчія, который характеризуетъ собою Аѳины конца V-го и первой половины IV-го вѣка ²⁾. Никакихъ постороннихъ вставокъ, никакой порчи рукописной традиціи *Kalinka*, поэтому, не допускаетъ.

Такимъ образомъ, названный филологъ примыкаетъ къ тому внутреннему толкованію, представителями котораго являются, напр., V. Roscher, В. П. Бузескуль ³⁾, J. Mahaffy ⁴⁾ и другіе изслѣдова-

¹⁾ E. Kalinka, 54 слл.

²⁾ E. Kalinka, 26 слл.

³⁾ В. П. Бузескуль, Введеніе въ исторію Греціи, Харьк. 1904, 141 слл.; срав. же Краткое введеніе въ исторію Греціи, Харьков. 1910, 70 слл. и Исторію афинской демократіи, С.-Пб. 1909, 307.

⁴⁾ J. P. Mahaffy, A History of Classical Greek Literature, II, 250 (рус. пер.).

тели, признающіе находимыя въ трактатѣ противорѣчія лишь кажущимися. Нельзя, конечно, не согласиться, что послѣдователи «атомистической» теоріи, въ своихъ попыткахъ расчленивъ трактатъ на рядъ самостоятельныхъ частей, заходятъ слишкомъ далеко. Такъ, G. Faltin выкраиваетъ изъ текста 21 небольшой отрывокъ, который затѣмъ перетасовываетъ въ новомъ порядкѣ. Ad. Kirchhoff расчленяетъ весь трактатъ на 19 составныхъ частей и т. под.¹⁾ Поэтому, рѣшительная попытка новѣйшаго издателя стать выше крохоборства ученыхъ прежней школы заслуживаетъ полного вниманія. Но, съ другой стороны, необходимо признать, что черезчуръ оптимистическій взглядъ на состояніе нашего текста, взглядъ, котораго придерживается *Калинка*, врядъ ли соответствуетъ дѣйствительности, ибо, не говоря уже о несвязностяхъ и пропускахъ, въ текстѣ трактата встрѣчаются мѣста, содержащіе въ себѣ столь странныя и непримиримыя противорѣчія, что приписать ихъ одному и тому же автору рѣшительно невозможно. Такъ, напр. въ I, 14 преслѣдованіе аѳинянами аристократовъ въ союзныхъ городахъ объясняется чисто политическими мотивами, а именно — стремленіемъ усилить демократическую партію, причемъ указывается на то, что и аристократическая фракція придерживалась такого же образа дѣйствій, а въ слѣдующемъ параграфѣ эта политика аѳинскаго демоса уже объясняется слѣпымъ эгоизмомъ и корыстолюбіемъ (τοῖς δὲ δημοτικοῖς δοκεῖ μεῖζον ἀγαθὸν εἶναι τὰ τῶν συμμάχων χρήματα ἢνα ἕκαστος Ἀθηναίων ἔχῃ κτλ.). Вставкою приходится признать и сентенцію въ I, 5: ἔστι δὲ πάσῃ γῇ τὸ βέλτιστον ἐναντίον δημοκρατίᾳ вмѣстѣ съ слѣдующею за нею страстною, нервною характеристикой добрыхъ качествъ аристократіи и недостатковъ простаго народа, характеристикой, рѣзко противорѣчащей спокойному и серьезному тону другихъ мѣстъ разсужденія, и т. д.

Не менѣе спорнымъ является вопросъ о времени составленія трактата. Псевдоксенофонтова Ἀθην. πολιτεία рисуетъ намъ картину почти безграничнаго морского могущества Аѳинъ (I, 11: ναυτικὴ δύναμις ἐστίν, срв. I, 15, II, 1, 7, 11 сл.). Отсюда Schneider справедливо вывелъ заключеніе, что интересующій насъ трактатъ написанъ былъ, во всякомъ случаѣ, до конца пелопоннесской войны.

¹⁾ См. А. Н. Шварцъ, 16 сл.

Затѣмъ Platen, Roth, Dindorf и друг. указали на то, что трактатъ не могъ возникнуть позже сицилійской катастрофы (413 г.). Доказательствомъ того, что трактатъ имѣть въ виду *первой* морской союзъ, можетъ служить терминъ *φόρος* (II, 1; II, 2, 5), обозначающій взносы союзныхъ государствъ и замѣненный въ 413 г. словомъ *εἰσφορά* ¹⁾). Намеки трактата, указывающіе на продолжительное военное положеніе въ Аѳинахъ, могутъ имѣть въ виду лишь Пелопоннесскую войну ²⁾). Такимъ образомъ, опредѣляется приблизительно время возникновенія нашего трактата: 431—413 до Р. Хр.

Болѣе точный *terminus ante quem* установленъ былъ Roscher'омъ, показавшимъ, что, судя по II, 5, автору трактата неизвѣстно было о походѣ Брасида во Фракію (лѣто 424 г.); за это говорить, по мнѣнію А. Н. Шварца ³⁾, и свидѣтельство «Аѳинской политіи» о *ἐκ τῆς ἀποτυχίας* (II, 11). Итакъ, оказывается возможнымъ съ увѣренностью сказать, что нашъ трактатъ возникъ между 431 и 424 г.г., т. е. является древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникомъ аттической прозы. Въ частности, Gutschmid приурочиваетъ его къ 430/29 г.; къ этой датировкѣ примыкають Faltin, M. Schmidt, H. Schwarcz, отчасти А. Н. Шварцъ; Kirchhoff, вслѣдъ за Roscher'омъ, датируетъ Политію 424 годомъ; Müller-Strübing относитъ трактатъ къ 417—414 г. (415 г.), Bergk-Peppmüller — къ 415/4 г.; къ еще болѣе поздней эпохѣ приурочиваютъ возникновеніе нашего памятника Belot и J. J. Hartman ⁴⁾).

Новѣйшій изслѣдователь интересующаго насъ памятника приводитъ къ выводу, что «Аѳинская политія» возникла послѣ Великихъ Поневисій 426 г., но до Левэи 424 г. ⁵⁾, а такъ какъ послѣ взятія Фактеріи лѣтомъ 425 г. аѳиняне не имѣли основанія серьезно опасаться нападеній лакедемонянъ, которые, по словамъ *Ἀθηναίων* I, 14, угрожали аѳинскому государству, то Е. Kalinka, вслѣдъ за Busolt'омъ, склоненъ считать временемъ составленія трактата 426/5 г. до Р. Хр. ⁶⁾.

¹⁾ Kalinka, 5.

²⁾ Kalinka, тамъ же.

³⁾ А. Н. Шварцъ, 39.

⁴⁾ См. обо всѣхъ этихъ вопросахъ А. Н. Шварцъ, 35 сл., В. П. Бузескула, вѣденіе, 142 и примѣч. 2 и Kalinka, 5 сл.

⁵⁾ Kalinka, 12.

⁶⁾ Kalinka, 6, примѣч. 3.

Относительно личности автора велась, по замѣчанію Маһaffу, столь же яростная и бесплодная полемика. Такъ какъ интересующее насъ произведеніе возникло до 424 г., то авторомъ его, конечно, не могъ быть Ксенофонтъ, который родился около 430 г. Да и руководитель знаменитаго отступленія 10.000 никогда не могъ-бы написать фразу II, 5: τοῖς δὲ κατὰ τῆν (ἄρχουσιν) οὐχ οὔν τε ἀπὸ τῆς σφετέρως αὐτῶν ἀπελθεῖν πολλῶν ἡμερῶν ὁδόν т. е. говорить о невозможности для государствъ, сильныхъ сухопутнымъ войскомъ, совершать продолжительныя экспедиціи вдали отъ родины ¹⁾. Въ новое время, кромѣ Cobet'a, въ авторство Ксенофонта вѣрятъ лишь очень немногіе (напр., Belot).

Roscher склоненъ былъ считать авторомъ «Афинской политіи» историка Фукидида. На сходство въ воззрѣніяхъ обоихъ греческихъ писателей указывали также Morel, R. Schöll и Croiset. M. Schmidt, полагалъ, что авторомъ былъ старшій Фукидидъ (Алопекскій), сынъ Мелесія, принадлежавшій, вмѣстѣ съ Перикломъ, къ числу наиболѣе краснорѣчивыхъ людей того времени, другъ союзниковъ, опытный мореплаватель. W. Helbig, приурочивавшій составленіе трактата къ 413 г., признавалъ авторомъ его Алкивіада. Но большинство изслѣдователей стоитъ за Критія. Еще Wachsmuth, правда не безъ колебанія, высказался въ 1829 г. за этого писателя; затѣмъ мнѣніе это высказано было Platen'омъ (независимо отъ Wachsmuth'a) въ 1843 г.; гипотеза объ авторствѣ Критія поддерживается Boeckh'омъ, E. Müller'омъ, и отчасти Blass'омъ, Dregur'омъ, Nestle и друг. Müller-Strübing усматриваетъ въ Ἀθῆν. πολ. заслушанное въ засѣданіи олигархическаго клуба возраженіе на λόγος πρὸς τοὺς ἐταίρους съ мирнымъ предложеніемъ реформъ; послѣднее принадлежало Критію, а отвѣтъ на него (т. е. нашъ трактатъ) вышелъ изъ-подъ пера Фриниха. Гипотеза эта нашла себѣ до нѣкоторой степени послѣдователя въ лицѣ Ed. Meyer'a ²⁾.

Изъ всѣхъ этихъ предположеній одна лишь гипотеза объ авторствѣ Критія представляется, по мнѣнію *Калинки*, болѣе или

¹⁾ *Kalinka*, 17.

²⁾ См. *Kalinka*, 17 сл.; Ю. А. Кулаковскій, Политія Аѳинянъ, *Кіевск. Унив. Изв.* XXI, 1881, № 7, стр. 167, 122 (175?). Русскій ученый приписываетъ это сочиненіе аристократу изъ парѣи Никія.

иенѣ правдоподобною. Но и противъ нея говорить нѣкоторые факты (они приведены у *Kalinka* на стр. 18—21), и названный ученый приходитъ къ грустному убѣжденію, что, не смотря на неустанную работу историковъ и филологовъ, имя автора «Аѳинской политики» навсегда останется окруженнымъ непроницаемой тайной. Поэтому, *Kalinka* пытается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать личность автора. Несомнѣнно, это былъ аѳинскій гражданинъ и олигархъ по политическимъ убѣжденіямъ. Только аѳинскій гражданинъ могъ сказать: (ἱσχυορίαν καὶ τοῖς δοῦλοις πρὸς τοὺς ἐλευθέρους ἐποιήσαμεν I, 12) ¹⁾. Повидимому, это былъ разносторонне образованный аристократъ: извѣстная послѣдовательность въ перечисленіи названій гѣстоностей въ II, 7 свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ его съ географіей. Должно быть, это былъ вліятельный членъ партіи, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ; иначе онъ не рѣшился бы выступить такъ открыто съ своимъ, сравнительно умѣреннымъ, политическимъ credo, отрѣкшись отъ усвоенныхъ его сословіемъ предразсудковъ. Къ нѣкоторой поверхности въ сужденіяхъ примѣшивается свѣтская вѣжливость и, по временамъ, легкій, добродушный юморъ ²⁾.

Въ виду приведенныхъ выше особенностей композиціи нашего трактата, вопросъ о цѣли и назначеніи его вызывалъ и вызываетъ до сихъ поръ въ филологической наукѣ самые разнообразныя рѣшенія. Одни усматриваютъ въ трактатѣ горячую апологію аѳинскихъ учрежденій (Hutchinson, Schneider, F. Delbrück, Bake, Sauppe, Roth, Schmidt, Dümmler, H. Schneider), другіе—рѣшительное осужденіе аѳинскаго народоправства (Wacker, Weiske, Wachsmuth, Bernhardt-Tolkmann, Fuchs, Roscher, Platen, Böckh, W. Engel, Mure, Jul. Schwarcz, Drerup, B. A. Шефферъ, Faulmüller, R. Jebb), осужденіе, въ которомъ многіе изслѣдователи видятъ даже замаскированный призывъ къ революціи (Bergk-Peppmüller, Rühl, Müller-Strübing, L. Müller, Th. Gomperz, Ed. Meyer, отчасти Busolt). По мнѣнію группы изслѣдователей, основной идеей нашего трактата или, вѣрнѣе, памфлета является стремленіе доказать невозможность реформами или эволюціей измѣнить общій характеръ аѳинской демократіи (Roscher,

¹⁾ *Kalinka*, 21.

²⁾ *Kalinka*, 59 слл.

Belot, Faltin, Sittl, v. Wilamowitz, Dufour, St. Schneider, Nestle, B. H. Бузескуль). Въ противоположность этому, цѣлый рядъ ученыхъ полагаетъ, что въ 'Αθήν. πολ. нѣтъ никакой практической тенденціи, никакого желанія такъ или иначе воздѣйствовать на общество; это — не боевое произведеніе, и цѣль автора была лишь теоретическою, научною (отчасти уже Pankow и Zurborg, но главнымъ образомъ R. Schöll, E. Schwartz, до нѣкоторой степени также Hartman, Croiset, Richards, R. Ullrich, Nestle, H. v. Arnim). Многие усматриваютъ въ нашемъ памятникѣ письмо, предназначенное для заграничнаго адресата, спартамца (K. O. Müller-Heitz, Roscher, Bergk, Morel, Helbig, Roth, W. Vischer, Schäfer, M. Schmidt, Belot. (письмо Ксенофонта къ Агизелая), Hempel, Faltin, Sittl. Busolt ¹). А. Н. Шварцъ видитъ въ 'Αθήν. πολ. политическій памфлетъ, хотя и не отдѣланный, быть можетъ, для изданія, но преслѣдовавшій какія-то опредѣленные цѣли ²); по мнѣнію упомянутаго изслѣдователя, это — образецъ древнѣйшей ораторской прозы въ Греціи, являющийся остаткомъ нѣкогда обширной публицистической литературы аттиковъ ³).

E. Kalinka приходитъ къ тому заключенію, что «Афинская политія» — не политическій призывъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и не чисто-научное изслѣдованіе (для этого ей недостаетъ полноты и спокойствія изложенія), но выросшая на почвѣ софистики ἐπιδείξις. Рѣшимость стать на точку зрѣнія демократіи передъ лицомъ знатныхъ лицъ и доказывать имъ, (ἀποδείκνυσθαι), что афиняне, разъ избравъ данную форму государственнаго устройства, εἰ διαφύονται τῇ πολιτείᾳ καὶ, можетъ быть поставлена на одну ступень съ ἐχθροῖς ἀνιπῆσιν, мышамъ, Клитэместрѣ и смерти (*Kalinka*, 53). По мнѣнію *Калинки*, 'Αθήν. πολ. представляетъ собою рѣчь, сказанную безъ предварительной подготовки, ораторскую импровизацію (eine Stegreifrede). Произнесена она была, вѣроятно, въ засѣданіи олигархическаго клуба (ἐταίρια) за пирушкой (συνάδειον); быть можетъ, передъ тѣмъ выступалъ другой ораторъ крайне-олигархической фракціи, превозносившій до небесъ спартанское государственное устрой-

¹) *Kalinka*, 41 слл.

²) А. Н. Шварцъ, 55.

³) А. Н. Шварцъ, 61—62.

ство и нападавшій на Аѳины. Общество, къ которому обращался съ рѣчью нашъ авторъ, состояло, повидимому, не изъ однихъ аѳинскихъ гражданъ, но и изъ иноземныхъ гостей, быть можетъ, лакемонянъ. Какой-либо другъ записалъ текстъ этой рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ то время у грековъ существовалъ уже родъ стенографіи ¹⁾, Вначалѣ рѣчь ходила по рукамъ среди единомышленниковъ оратора въ частныхъ копіяхъ и лишь впоследствии попала на книжный рынокъ.

Таково мнѣніе новѣйшаго изслѣдователя этого загадочнаго па-изтника. Принимая во вниманіе, что сочиненіе, ставящее себѣ цѣлью указать, ὡς εὖ διασφύρονται τὴν πολιτείαν καὶ τὰλλα διαπράττονται (οἱ Ἀθηναῖοι), не могло преслѣдовать революціонныхъ цѣлей, что въ трактатѣ стрѣчаются термины ἀποδείξω (I, I) и ἐπεδείξα (III, 1), что искусство импровизаціи стояло въ то время въ Аѳинахъ довольно высоко, политическая дѣятельность подпольныхъ кружковъ (гетерій) той эпохи не подлежитъ сомнѣнію ²⁾, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, признать предположеніе, высказанное *Э. Калинкою* относительно вѣста, занимаемаго «Аѳинской Политіей» въ ряду другихъ произведеній аттической литературы, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, тою лишь оговоркою, что на шуточные ἐκφωγὰς въ честь мыслей или Клитэстры нашъ трактатъ походить только по своей формѣ.

Что же касается основной мысли, тенденціи трактата, то довольно близко къ истинѣ подошелъ, какъ я позволяю себѣ думать, и *Ю. А. Кулаковскій* въ 1881 г., когда онъ писалъ, что идея «Политіи» заключается въ слѣдующемъ: «хотя существующій строй удобенъ для олигархической партіи (χρηστοί), по выхода иного бѣтъ, какъ примириться съ нимъ и дѣйствовать, по мѣрѣ возможности, на славу и пользу отечества» ³⁾.

Евг. Кагаровъ.

¹⁾ Объ этомъ см. нашъ трудъ *V. Gardthausen'a: Griech. Paläographie* II, Leipzig 1913², 272 слл., которымъ *Калинка* уже не могъ воспользоваться.

²⁾ См. нашъ *Ziebarth* у *Pauly-Wissowa*, VIII, 2 (1913), 1373 сл.

³⁾ *Ю. А. Кулаковскій, Киевск. Унив. Изв.* 1881, июль, 123 (1762). Работу *М. О. В. Ласпари*, On the date of the Ἀθηναίων Πολ. of (Xenophon) въ сборникѣ *Βενια Athènes* 1912 я знаю лишь по заглавію.